

ПОГРОМ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Виктор БОРОДУЛИН

Сто пятьдесят пять лет назад над всей русской землёй, как вздох облегчения, пронеслось сладкое, волнующее и пьянящее слово – «Воля»! Казалось бы, вот оно – долгожданное освобождение крестьян от многовековой крепостной кабалы, дарованное Александром Вторым и его «Манифестом», казалось, пришла, наконец-то, долгожданная свобода! Но на деле оказалось не всё так просто. Документ, как выяснилось при внимательном прочтении, ещё более ввергал крестьян в зависимость от своих помещиков, ставя их в совершенно безвыходные условия, и положение их не то что не улучшилось, а едва ли не ещё более ухудшилось. Тогда же, в первые недели после опубликования «Манифеста об освобождении помещичьих крестьян из крепостной зависимости» и осознания крестьянами того, что они получили совсем не то, чего так ожидали много лет и особенно в последние годы, а слухи о предстоящей «воле» ходили уже давно, почти по всей России прокатилась волна крестьянских восстаний: от простого неповиновения своему хозяину до открытых массовых выступлений против власти и её чиновников, сопровождавшихся погромами, насилием и поджогами помещичьих усадеб. Это стихийное по своей природе движение, названное тогда в определённых кругах весьма восторженно как «революционное», наибольшее развитие получило в южных, плодородных губерниях Российской империи – и это вполне объяснимо. Там и плотность крестьянского населения была выше, и размеры подушных выкупов из крепостной зависимости были гораздо больше, чем, скажем, где-нибудь в костромской или вологодской глубинке. Но всё же эта волна выступлений не миновала и нас: и в Ярославской губернии, и в соседней с нами Тверской было несколько заметных выступлений крестьян против своих помещиков.

В советское время в различных статьях, книгах и исследованиях, посвящённых истории Ярославского края, говоря о «революционном движении крестьянства» в период реформы 1861 года, обычно с некоторой гордостью приводили, как пример, наиболее крупное волнение в Ярославской губернии – так называемое «Арнаутовское дело», связанное с «восстанием временнообязанных крестьян в вотчинах помещика Арнаутова» в Угличском уезде, и «жестокое подавление его кровавым царским режимом». Что ж, это вполне понятно, ведь если везде в России, и даже у наших ближайших соседей, были выступления, то они должны быть и у нас – иначе пункт

о «революционном прошлом» того периода в исторической биографии Ярославского края останется незаполненным, а «как же тогда людям в глаза смотреть?».

«Дело» это, прямо скажу, весьма необычное и широкому кругу наших современников почти неизвестное. Документальных свидетельств в местных архивах о нём не осталось (почему так – узнаете в конце), а есть лишь косвенные упоминания в исторической и специальной литературе и немногочисленные свидетельства той поры.

В этой статье я попытаюсь разобраться, что же на самом деле случилось в нашем уезде в апреле – мае 1861 года, насколько серьёзными были выступления

крестьян и насколько жестоко и кроваво они были подавлены.

Я попытаюсь разобраться и кое-что объяснить – выводы вы делайте сами, уважаемые читатели.

Недавно мне в руки попала небольшая книжечка¹, выпущенная довольно давно, весьма небольшим тиражом и ныне крайне редкая, просто так почитать её – вряд ли найдёте. Для широкого круга читателей и для интересующихся историей родного края именно она, как потом оказалось, до сей поры является основным источником информации об «Арнаутовских» беспорядках, и вот что в ней по этому поводу было написано:

«Арнаутовское дело», т.е. выступление крестьян в Угличском имении

Виктор БОРОДУЛИН

родился в 1960 году в Угличе. Работает в Угличском музее. Среди многих его увлечений особое место занимает фотография, которой он занимается с детства. Участник и дипломант нескольких фотовыставок – персональных и коллективных. В 2008–2010 годах осуществил масштабный фотопроjekt «Сельские храмы Верхневолжья», с успехом представленный во многих городах России. Другое немаловажное увлечение Виктора Валерьевича – изучение истории и природы родного края.

Чтение
«Манифеста»
(об освобождении
крестьян)
Б.М. Кустодиев.
1907 г.

помещиков Арнаутовых, прогремело на всю Россию. О нём было много разговоров в Петербурге, писали о нём за границей и в подпольной революционной печати. Известно, что это восстание произошло в Угличском уезде, Ярославской губернии, но в описании его почему-то не названы деревни. В Угличском уезде подвизались три брата Арнаутовы. Один из них был в 1861 году предводителем угличского дворянства. Арнаутовым в разных местах уезда принадлежало несколько десятков деревень, около двух тысяч десятин земли. Один из барских домов Арнаутовых находился в большом селе Ворошилове, верстах в десяти от села Заозерья, Угличского уезда. До 1917 года в этом доме жили Арнаутовы. До революции в Ворошилове и около него Арнаутовым принадлежало большое количество земли, лесов, пустошей.

В «Арнаутовском деле», по некоторым данным, участвовало более тысячи восставших. Для усмирения их был послан большой

отряд драгун. Подавлением восстания руководил известный каратель-палач генерал Дубельт. Спешные рапорты об этом событии посылались лично царю. Крестьяне, не имея оружия, не пошли на схватку с солдатами, но держались стойко и упорно не шли на барщину. Дубельт арестовал наиболее активных из восставших, а в отношении остальных решил применить «новый» метод подавления – без выстрелов, действуя поркой и ещё некоторыми другими средствами, о которых и писал в одном из писем М.Е. Салтыков: «Об Арнаутовском погроме нам кое-что известно и здесь, – пишет он в Ярославль Е.И. Якушкину, – командир полка, бывшего на экзекуции, доносил начальнику дивизии (полк квартирует в Кашине), что один эскадрон (в действительности два. – В.Б.) оставлен в имении с таким распоряжением: выводить людей каждый день на барщину и каждый же день резать по крестьянской корове на мясные порции. Дубельт, перед отправлением в экспедицию, был в Твери и говорил своему другу Баранову: «Я стрелять не стану, а только всех их кур и коров передущу». И Баранов ничего, даже не заматнул на своего друга, даже не назвал его сукиным сыном. Я слышал это от очевидца, которому можно дать полное вероятие».

* * *

Итак, почти все детали свершившейся столетия назад «кровавой» драмы известны. Место действия – вотчинные владения крепостника Арнаутова, конкретно – село Ворошилово, главный герой – восставший народ-страдалец числом до 1200 человек, главный злодей – каратель-палач генерал Дубельт, злодей второго плана – предводитель угличского дворянства помещик Арнаутов. Массовка – два драгунских эскадрона. Главный зритель, он же свидетель – М.Е. Салтыков-Щедрин, наш знаменитый писатель-сатирик. Упоминаются и ещё некоторые второстепенные персонажи: Якушкин, Баранов. Известен финал драмы – жестокое подавление и наказание восставших. Известны отклики в прессе, и даже «писали о нём за границей и в подпольной революционной печати». Кстати, в других современных нам доступных источниках, писавших об этом деле, не только прямо упоминается знаменитый «Колокол» Герцена и Огарёва, издававшийся тогда в Лондоне, но говорится также, что сам Александр Герцен был хорошо осведомлён о событиях, происходивших в Угличском уезде.

Портрет майора
Михаила Дубельта.
Художник
Гагарин Г.Г.,
1849–1852 гг.

Ну и конечно же, «Арнаутское дело прогремело на всю Россию».

Сначала я дам описание и характеристики основным фигурантам этого дела, кроме того, по мере моего повествования будут появляться и другие персонажи, непосредственно не участвовавшие в «кровавой драме», произошедшей под Угличем, но имеющие к ней разной степени отношение, они помогут нам лучше понять, что же на самом деле произошло тогда; следом можно будет восстановить весь ход событий, а потом уж и сделать заключение.

ПЕРСОНАЖ ПЕРВЫЙ – «КАРАТЕЛЬ-ПАЛАЧ ГЕНЕРАЛ ДУБЕЛЬТ»

Михаил Леонтьевич Дубельт родился 8 февраля 1822 года в Киеве. Его отец – Леонтий Васильевич – был в своё время начальником штаба Корпуса жандармов и управляющим III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, являлся членом Главного управления цензурного комитета и членом Секретного комитета о раскольниках. Именно по приказу Дубельта, сторонника жёсткой цензуры, было установлено наблюдение за А.С. Пушкиным, Н.А. Некрасовым и за славянофилами, и именно он разбирал бумаги покойного Александра Сергеевича, убитого на дуэли. Среди определённой части российской общественности Леонтий Дубельт слыл едва ли не главным «душителем и палачом» всего чистого, светлого и прогрессивного, что тогда было возможным в нашей стране. Кажется, именно это чёрной тенью легло на его сыновей, в том числе и на Михаила – до конца жизни кое-кто не простил отцу, что он был Главным Жандармом России. Тень эта, к удивлению, лежит на нём и по сию пору.

Михаил Леонтьевич в возрасте восемнадцати лет окончил Пажеский корпус и в 1840 году стал камер-пажом Двора Его Императорского Величества, тогда же зачислен корнетом в Кавалергардский полк. Далее Дубельт уверенно шагает вверх по служебной лестнице, но не по паркету Зимнего дворца. Поручик, штаб-ротмистр, с 1849 года – майор Апшеронского пехотного полка. В 1851–1854 годах состоит для особых поручений при военном министре, в 1853-м – полковник, в 1855–1857 годах – на-

чальник штаба отдельного резервного кавалерийского корпуса, с 1856 года по 1861 год – флигель-адъютант Александра II. В эти же годы он состоит при Министерстве Внутренних Дел. Наконец, в 1861 году он получает звание генерал-майора и состоит в свите императора Александра II. Из этого краткого послужного списка, приведённого здесь мной, видно, что Михаил Леонтьевич Дубельт был, по всей видимости, человеком незаурядного ума и больших государственных способностей, если к неполным своим сорока годам достиг таких вершин. Это же доказывают и некоторые факты его дальнейшей биографии, о которых я упомяну позже. К тому же как раз в эти годы Михаил Леонтьевич был женат на Наталье Александровне Пушкиной – я не думаю, чтобы дочь великого поэта, одна из самых ярких красавиц своего времени, вышла замуж за человека недалёкого ума или такого, какому можно похода прилепить ярлык «карателя-палача». Правда, впоследствии этот брак распался, но к «Арнаутскому делу» это уже не имеет никакого отношения.

ПЕРСОНАЖ ВТОРОЙ – ПРЕДВОДИТЕЛЬ УГЛИЧСКОГО ДВОРЯНСТВА ПОМЕЩИК-КРЕПОСТНИК АРНАУТОВ

Александр Алексеевич Арнаут – угличский помещик, землевладелец, дворянин. Во время событий, что мы здесь рассматриваем, он – предводитель угличского дворянства, должность не столько почётная, сколько ответственная, хлопотливая и, скажем прямо, весьма непростая. Родился в 1807 году в семье дворянина, отец – «флота капитан-лейтенант». Братья Александр и Николай Арнаутовы в 1827 году одновременно сдали окончательные (выпускные) испытания на нравственно-политическом отделении (юридическом факультете) Императорского Московского университета (судя по всему, на подготовительном отделении) и получили звание действительного студента.

В 1840 году Александр Алексеевич прибыл в Ярославль уже отставным коллежским асессором. На следующий год, по «оставлении должности

Угличского Уездного Предводителя Дворянства подполковником Епифановым по расстроенному здоровью», на это место на очередное трёхлетие забаллотирован Александр Алексеевич Арнаут², а «в январе месяце сего 1842 года потомственными Дворянами Ярославской губернии выбраны в разные уездные на двадцать второе трёхлетие должности. По Угличскому уезду: Уездный Предводитель Дворянства, Коллежский Ассессор Александр Алексеевич Арнаут³. Кстати, на этот пост он будет выбран ещё шесть раз и будет предводителем в общей сложности семь сроков – до 1861 года. Хозяином в своём имении он был, судя по всему, весьма неплохим – тогдашние газеты время от времени публикуют объявления о приобретении А.А. Арнаутовым того или иного владения или земельного надела, и ни одного – о продаже. В 1856 году он уже статский советник, этот чин V класса в России соответствовал должности вице-директора департамента, вице-губернатора, председателя казённой палаты, а если по «военному ведомству», то что-то среднее между полковником и генерал-майором. Не чужд он и благотворительности: «Об изъявлении благодарности. Угличское Уездное Попечительство Николаевского Детского Приюта уведомило Ярославское Губернское Попечительство ведомства Детских Приютов о благодарности за пожертвование Угличским Предводителем дворянства А.А. Арнаутовым 2000 порций. Арнаут принял

на свой счёт содержание двух бедных сирот женского пола»⁴. Женат он был на представительнице старинного рода – княжне Девлет-Кильдеевой, что говорит о его довольно-таки высоком положении в тогдашнем обществе: княжон, как правило, не выдавали за представителей худородного дворянства.

Приведу ещё один небезынтересный штрих к далеко не полному портрету Александра Алексеевича. Одна из губернских газет поместила весьма любопытную небольшую заметку, как сейчас сказали бы – информацию. Никаких выводов, никаких характеристик – только факты. Вот они: «Посещение села Высокопреосвященнейшим Нилом в 1858 году. Путь Преосвященного в с. Заозерье и обратно был чрез погост Якимовский. Но Преосвященному было известно, что в с. Ворошилове строится деревянный храм помещиком А.А. Арнаутовым и строится очень медленно. Преосвященный и хотел заехать в с. Ворошилово, чтобы там побывать и лично удостовериться о положении дела по постройке храма. А помещику не хотелось встречи с Преосвященным, и он постарался, через кого следует, уверить Преосвященного, что дороги к с. Ворошилову непроезжны. Так поездка в с. Ворошилово и не состоялась. В с. Заозерье Преосвященный ночевал и служил на утро Литургию. Преосвященный Нил ездил по сёлам торжественно, с большой свитой и певчими». Кажется, автор заметки и не осуждает, и не оправдывает Арнаутова, только

передаёт суть дела. В действительно-сти же получается так, что Александр Алексеевич, отказавшись принимать Преосвященного, одним разом «убил двух зайцев»: избавил себя от надобности выслушивать упреки или даже выговоры о медленном строительстве церкви (кстати, строил-то на свои деньги!) и необходимости кормить и поить не только Преосвященного Нила, но и всю его «большую свиту и певчих» (а это сплошные расходы, и расходы немалые). Кстати, за свою службу на посту предводителя Арнаут получал не только уважение общества, выражавшееся в многократном переизбрании на эту должность, но и кое-что ещё: «Государь Император Всемилоостивейше соизволил пожаловать в награду отлично-усердной службы Угличского Уездного Предводителя Дворянства Статского Советника Арнаутова Кавалером ордена Св. Анны 2-й степени с Императорской Короной»⁵.

МАССОВКА – ДРАГУНСКИЕ ЭСКАДРОНЫ

Александр II был императором не только мудрым, но и предусмотрительным, практичным, если можно так сказать. Он прекрасно понимал, что после объявления «Воли» услышит не только «звуки одобренья... в сладком ропоте хвалы», но и «дикие крики озлобления» – и Манифест тому причиной. Всячески пытаясь избежать бунтов, а, как известно, «русский бунт – бессмысленный и беспощадный», он предпринял упреждающие меры. По всей стране в города и губернии, а то и в крупные сёла, были передислоцированы воинские части и подразделения, в местах, наиболее опасных в отношении возникновения крестьянской смуты, были поставлены гарнизоны с верным и проверенным составом. Кроме того, по всем губерниям были разосланы доверенные лица императора из его ближайшего окружения – офицеры свиты Его величества, и наделялись они на чрезвычайный случай такими же чрезвычайными полномочиями. Перед ними была поставлена ясная и чёткая задача: крестьянских волнений не допускать, а буде таковые возникнут – искоренить их в зародыше, причём любой ценой. Уже упомянутый Дубельт был направлен в Ярославскую губернию именно с такой целью. Тогда же из Твери был выведен драгунский полк, состоящий из четырёх эскадронов, и был послан в Кашин – совсем недалеко от места, где будут разворачиваться описываемые события. Незадолго до этого (в 1860 году) этот боевой и заслуженный, не раз отличавшийся в разных войнах, кирасирский Военного ордена полк

Унтер-офицер
13-го
Драгунского
Военного ордена
полка.
1859 год.

был сведён с Финляндским драгунским полком и назван Драгунским Военного ордена полком. Да, здесь необходимо пояснить, что в Российской империи в то время был только один орден, дававший за ратные заслуги, – орден Св. Георгия, все остальные – статские, гражданские. Поэтому упоминаемый здесь в контексте Военный орден – Св. Георгия.

Осталось уточнить, что же такое эскадрон. По воинскому уставу того времени кавалерийский эскадрон насчитывал: конных – 4 офицеров, 16 унтер-офицеров, 4 трубачей, 128 солдат; пеших – 4 унтер-офицеров и 40 солдат. Всего 196 человек. Два эскадрона – почти четыреста человек. Также необходимо отметить, что вплоть до начала XIX века (а кое-где и чуть ли не до середины) в русской армии лишь небольшая часть войск находилась в казармах, остальные жили на постое, распределялись по домам местных жителей. Была и соответствующая повинность: сколько солдат обязаны содержать деревня, село или город, местным властям вменялось в обязанность распределять служивых по дворам. Естественно, жителей такое положение иногда совсем не радовало: кроме прочих неудобств, постояльцев надо было

ещё и кормить, а деньги, что платили за прокорм из полковой казны, были совсем невелики (впрочем, некоторые города даже сами приглашали к себе военных – там, где это было выгодно). Существовала даже особая форма наказания – определить солдат на постой или увеличить норму постоя. Известен документ XVIII века, озаглавленный «О наказании действительного статского советника Демидова двойным постоем за выталкивание в шею гвардейского сержанта». Ко времени Арнаутских событий все тяготы военного постоя крестьянами, кажется, уже были подзабыты и воспринимались как что-то такое, чего уже совсем не может быть.

«РУССКАЯ КРОВЬ ЛЬЁТСЯ!»

Как оказалось, Александр II не ошибся в своих предположениях – сразу же после объявления «воли» по всей стране вспыхнули крестьянские восстания и бунты, и, как это всегда бывает во время русской смуты, объявились даже некие самозванцы, подстрекавшие народ к неповиновению. Впрочем, нам сейчас пришла пора почитать живые свидетельства того времени. Архивы донесли до нас листки «Колокола», что издавали Герцен и

Огарёв. Вероятно, у них был хорошо налажен канал поставки свежей информации, редакция регулярно получала письма от корреспондентов с описанием событий, происходивших в России.

Это часть очерка, опубликованного в свдвоенном листке под номерами 98 и 99 от 15 мая 1861 года:

«Русская кровь льётся! Да, русская кровь льётся рекой!... и есть пресные души, робкие умы, упрекающие нас в выстрадавших нами словах проклятия и негодования! Ужасом, слезами наполняют нас новости, идущая со всех сторон. Бедные, бедные крестьяне! Ведь в Европе не подозревают, что такое значит у нас усмирение солдатами, генерал-адъютантское, флигель-адъютантское усмирение. Одна надежда на солдат и на молодых офицеров. Тяжело носить оружие, на котором запеклась кровь своих родных, отцов, матерей, братьев.

Мы останавливаемся, темно перед глазами, мы боимся дать голос всему, что стонет в нас, мы боимся высказать всё, что бродит на сердце...

Передадим сначала факты.

Вот отрывки из писем, без всякого изменения:

<Письмо первое> Вам известно, что

Александр Второй.
Лубок середины XIX в.

Русская деревня.
В.Д. Поленов.
1889 г.

государь разослал по всем губерниям своих флигель и генерал-адъютантов. Адъютанты исполняют поручение. В нескольких губерниях действуют розги, действует войско и льётся кровь. Я наверное *(то есть доподлинно. — В.Б.)* знаю, что третьего дня посланы три новые генерал-адъютанта (в добавок к действующим) в губернии Казанскую, Тамбовскую и ещё кажется в Рязанскую. Эти новые посланцы снабжены полномочием вешать и разстреливать, по усмотрению. В Казани явился Самозванец (в Спасском уезде), выдающий себя за Александра Николаевича, гонимого дворянами. Семнадцать деревень окопались и сражаются с войсками под знаменем этого господина. Кто он — неизвестно. Но схватки были ужасные: 70 человек крестьян уже легли жертвою, из войска взяты в плен крестьянами ротный командир, исправник и ещё несколько мелких

чинов. Как не похоже всё это на сказку, но это истина, которая не сегодня завтра появится в газетах. Туда поскакал Ефимович, специалист по части усмирения...

<Из второго письма> Почти повсеместно крестьяне страшно недовольны новым временно-обязательным положением, во многих местностях отказываются верить, что объявляемый им манифест подлинный; так, напр., флигель-адъютант гр. Олсуфьев, посланный в одну из западных губерний, встречен был подобным возражением, и когда для убеждения крестьян ссылался на то, что он адъютант государя, то в толпе заговорили, что они не знают, настоящий ли он адъютант или переодетый. Олсуфьев счёл лучшим аргументом против этого приказа солдатам бить крестьян прикладами, а затем пороть розгами. В Петербургской губернии, в имении генерала Ольхина, против крестьян, по общему отзыву совершенно правых, была употреблена военная сила и несчастным жестоко досталось. В Пензенской губернии, Чембарского уезда, возстали крестьяне вотчин гр. Уварова, в числе нескольких тысяч душ; посланная против них рота принуждена была отступить; в руках крестьян остались

исправник, становой, юнкер и несколько рядовых; два батальона посланы для усмирения. В Казанской губернии, Спасского уезда, между раскольниками появился пророк, выдававший себя за государя; целые округа до 10.000 крестьян, большею частью государственных, взволновались; посланная военная сила не привела ни к какому результату, сражения не было. Губернатор Козлянинов и генерал свиты Апраксин отправились с 12 ротами. Апраксин приказал стрелять батальным огнём: 70 тел осталось на месте, пророк остался по удалении крестьян, стоя на коленях и держа над головою новое положение *(здесь описывается широко известная трагедия в селе Бездна. — В.Б.)*. Апраксин действовал в этом случае на основании полномочий действовать при нарушении порядка именем государя и поступать с виновными по полемому военно-уголовному уложению на правах корпусного командира, т.е. стрелять и вешать по собственному усмотрению.

<Из третьего письма> В Одесском уезде в 60 верстах от Одессы, в имениях Кириякова, Куриса, Свечина (уездного предводителя дворянства), в деревнях Ташино, Ново-Кирияковка, Малашевка, Тузлы, Сахарово

крестьяне, по недоразумению, отказались работать на помещика, считая себя вполне свободными. Власть земская потребовала войска для усмирения бунта. Из Одессы было отправлено две роты Волынского полка на подводах и другие две из места своего расположения по деревням. Тотчас по прибытии в село Ташино, по приказанию уездного предводителя Свечина (при нём был Христофович, состоящий по особым поручениям у херсонского гражданского губернатора), окружили крестьян и начали читать манифест. Продолжаю выпискою из рапорта, представленного ротным командиром: «выслушав манифест, крестьяне решительно отказались работать помещику и быть ему в повиновении. Предводитель дворянства употреблял все усилия склонить крестьян выполнить волю государя императора, значущуюся в манифесте, но все усилия остались тщетны; тогда предводитель дворянства приказал и указал

нижним чинам взять тех из крестьян, которые были главною причиною возмущения, для наказания их розгами...».

АРНАУТОВСКИЙ ПОГРОМ: КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

Я уже приводил отрывок из книги А.В. Прямова с описанием событий, которые с лёгкой руки Салтыкова-Щедрина получили название «Арнаутовского погрома». В своей работе Прямов непосредственно ссылается на известного русского историка и исследователя крестьянского движения И.И. Игнатовича, даже приводит библиографию. И на первый взгляд «погром» этот стоит в одном ряду с теми ужасами, что из номера в номер описывал «Колокол». Но так ли это было на самом деле? Увы, Алексей Владимирович, кстати, наш земляк, немного лукавил. Для своей книги он использовал только ту часть из

работы Игнатовича, которая хорошо ложится в концепцию «жестокого, даже кровавого погрома». Всё, что не соответствует этой концепции, не опровергается, не отвергается, а... просто не упоминается. А зря. Все знают: есть правда, есть ложь, а есть полуправда, которая, на мой взгляд, хуже прямой лжи – приходится разбираться в словесных хитросплетениях, тщательно отделяя истину от всего прочего. Итак, пришло время всё расставить по своим местам. Слово Игнатовичу:

«В отделе о приведении Положения в действие говорится лишь о 2-х родах повинностей, барщинной и оброчной; лишь в 170 ст. Местного Положения в примечании оговаривается сохранение смешанной повинности до введения уставных грамот. Крестьяне, считаясь с определённым указанием закона на барщину и оброк, данное примечание совершенно игнорировали или не знали и считали себя освобождённым от работы сверх оброка. На этой почве происходили волнения главным

образом в северной и средней полосе России, где была довольно сильно развита смешанная повинность. Ген.-лейтенант⁶ Дубельт, командированный для введения Положения в Ярославскую губернию, говорил, что волнения в этой губернии происходили почти исключительно в имениях, где крестьяне состояли на смешанной повинности; оброчные сидели смирно. Смешанные крестьяне большею частью упорно отказывались от работ сверх оброка и даже от повышения последнего до размеров, обычных в чисто оброчных имениях. Конечно, в этом нежелании исполнять барщинную часть смешанной повинности можно видеть и отражение взгляда крестьян, что с наступлением воли должна прекратиться и барщина. Волнения эти, очевидно, были не сильны и кончались довольно благополучно для крестьян, отчасти благодаря тактичности самого Дубельта – противника сечения и разстрела крестьян, но сторонника постоя солдата, хотя и последнее применялось им довольно редко. Дубельт говорит,

Бунт в деревне.
С.В. Иванов.
1889 г.

Село
Ворошилово
в наши дни.

что из 14 волнений, происшедших в течение 4-х месяцев в Ярославской губ., в 11-ти ему удалось подействовать на крестьян убеждением и лишь в трёх случаях ему пришлось прибегнуть к содействию военной силы, причём он не ранил и не убил ни одного человека; сечение было применено в 2-ом случае к 1-му человеку в количестве 1-ой розги. Из наиболее крупных волнений на почве нежелания исполнять смешанную повинность известны 2 в Ярославской губернии: в имении Мусина-Пушкина (по реке Мологе) и в имении Арнаутова, Угличского уезда. В первом волнении, где на сход явилось до 800 человек, Дубельт грозил постоем солдат с возложением на крестьян всех расходов по содержанию и доставке военной команды из города, причём подробно исчислил крупную сумму, которую взыскали бы в этом случае с крестьян. Угроза подействовала, и крестьяне смирились. 2-ое волнение было крупнее по размерам и формам. На сход, куда явился Дубельт для убеждений и разъяснений, сошлось до 1200 человек. Когда Дубельт попытался арестовать 5 человек крестьян, характеризованных ему, как зачинщики, крестьяне бросились к Дубельту, окружили его, осыпали бранью и готовы были избить. Дубельту удалось благополучно выбраться из толпы и уехать в Ярославль. Он выслал немедленно войска в имение Арнаутова и послал донесение о происшедшем

самому Александру II в Москву».

Здесь я ненадолго прерву Игнатюича, дав слово непосредственному участнику событий. Архивы сохранили для нас то самое донесение, посланное Дубельтом императору из Ярославля в Москву. Вот оно:

«8 мая 1861 г. Ваше императорское величество, всеподданейше донести честь имею, что вследствие неблагоприятных известий, полученных начальником Ярославской губернии из Углича и Ростова, я 3 мая отправился в означенные 2 уезда.

Крестьяне, водворенные на землю угличского уездного предводителя дворянства Арнаутова, в числе 800 душ, вышли из всякого повиновения и, отказываясь от отбывания полевых работ, не соглашались даже и на платёж оброка в размере, определённом Положением, но назначают количество оброка сами, конечно, в размере меньшем. Увещения местных полицейских властей и самого помещика оказались совершенно безуспешными и, к сожалению, проезд мой и 5-часовые толкования не дали упорству их правильного исхода. На обещание моё прислать им несколько эскадронов драгун, которые будут жить на их продовольствии, они отвечали, что не боятся прихода целой дивизии, ибо чувствуют себя вполне правыми. Когда же приказал следовать за собою двум явным зачинщикам, из коих один был против меня особенно дерзок,

то собранные крестьяне мне их не выдали, произведя при этом страшный шум. Все эти обстоятельства тем более, по-моему, достойны сожаления, что все окрестные жители отказываются от полевых работ в пользу помещиков и прямо говорят, что они должны выждать окончания сопротивления в имении предводителя и тогда будут действовать сообразно с исходом тамошних дел.

Вследствие всех этих соображений я предложил командиру драгунского Военного ордена полка, расположенного в гор. Кашине Тверской губернии, в 53 верстах от имения г. Арнаутова, отправить 2 эскадрона драгун при боевой амуниции в Углицкий уезд с таким во времени расчётом, чтобы они прибыли на места 15 мая и поместились ко дворам. К тому же времени я предписал 40 человекам из Углицкой инвалидной команды прибыть в то же имение. Таким образом, 3 деревни Арнаутова будут заняты войсками.

Желая по возможности избегать крайних мер, я предложил, чтобы продовольствовались за счёт крестьян инвалидов и драгунских лошадей. Сам же я отправлюсь в имение г. Арнаутова к назначенному сроку и буду действовать сообразно обстоятельствам, если не будет там губернатора. По убеждению моему, двоих зачинщиков непременно следует задержать и предать суду.

О дальнейшем же ходе этого дела я буду иметь честь подробно донести вашему императорскому величеству.

Свиты вашего императорского величества генерал майор Дубельт 3-й».

Снова Игнатович:

«Александр послал суровое повеление: арестовать зачинщиков, судить их военным судом по законам военного времени и приговоры, подтвердив⁷, немедленно привести в исполнение. Дело принимало таким образом тяжёлый оборот. К счастью, Дубельт оказался ни Апраксиным, ни Дренякиным, ни даже императором Александром II в своих отношениях к волнующимся крестьянам. Когда Дубельт вторично явился в имение Арнаутова, крестьяне уже были окружены драгунами с заряженными ружьями. Крестьяне, выдав беспрекословно 5 зачинщиков, отказались от повиновения. Дубельт вместо расстрела или порки, оставил солдат постоем в селе на полном иждивении крестьян. Через день крестьяне уже смирились: так тяжело было содержать солдат. Зачинщиков Дубельт простил⁸.

Вы спросите: а где же кровавое подавление восстания? Где леденящие душу сцены погромов, где ружейные выстрелы, где тела безвинно застреленных крестьян, где виселицы, где казни? А не было их. Ничего не было. Как-то просто и буднично всё прошло – и не единой жертвы. Даже неинтересно. Вот поэтому-то Прямок просто умолчал об истинном положении дел – ну никак они не ложились в русло «революционных выступлений», а если и ложились, то как-то однобоко, – без жертв и разрушений. А какая же революция без жертв и героев? Так, несерьёзная какая-то, да даже и не революция вовсе... К тому же выяснилось, что «известный каратель-палач генерал Дубельт» оказался человеком тактичным и «противником сечения и расстрела крестьян», и уж никак не палачом. А как же отклики в печати, что знаменитый «Колокол»? Ведь это дело было широко известно не только в России, но и за её пределами! Я тщательнейшим образом перечитал все листки детища Герцена и Огарёва и, представьте себе, действительно нашёл в нём упоминание об углических событиях в одном из номеров, в разделе, где ведётся переписка с читателями: «От редакции. – Статьи об Арнаутовых и о частном приставе Шишковском, о которой спрашивает корреспондент, мы не получили». Вот так, ни больше ни меньше. И этому есть своё объяснение – даже если статья и дошла, то опубликовать её «Колоколу» не было никакого смысла: об одиозном Шишковском тогда не писал только ленивый, а у Арнаутовых – ни капли крови, ни одного убитого. Набат какой-то слабый получится. Вот то ли дело в нескольких номерах писать о Бездиенской трагедии, каждый раз добавляя всё новые и новые подробности – там только сразу постреляли 70 человек, да 15 умерли на следующий день, да количество раненых исчислялось десятками, а крови по дороге текло столько, что тот же граф Апраксин после экзекуции выгнал на улицу уцелевших баб с ведрами и тряпками – приказал смыть с земли следы расстрела, а самозванца-зачинщика после суда короткого и несправедного тут же прилюдно повесили. Или генерал-майор Дренякин – количество навсего «усмирённых» импензенских крестьян также исчислялось десятками... Впрочем, законы журналистики почти не изменились за прошедшие полтора столетия – и сейчас в газетах лучше всего «продаются» кровь, ужас и насилие.

ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Итак, конфликт благополучно разрешился – все целы, нет ни убитых, ни раненых, ни поротых. Погром не состоялся, и не состоялся только лишь благодаря мудрости и «тактичности» одного человека, во власти которого было стрелять и вешать, казнить и миловать «по своему усмотрению», человека, которого Салтыков-Щедрин походя обозвал «сукиным сыном». Вот здесь надо упомянуть о роли самого Михаила Евграфовича в этом деле.

Он не скрывает личной неприязни к своему непосредственному начальнику, тверскому губернатору Баранову, к методам, которые он предпринимал против недовольных крестьян. В уже цитированном письме к Е.И. Якушкину он саркастически пишет о Баранове: «Крестьянское дело идёт в Тверской губернии столь же плохо, как и в Ярославской. В течение мая месяца было шесть экзекуций; в одной выпороли 17 человек, в другой троих, в третьей двоих; в трёх случаях солдатики постояли-постояли и ушли. <...> Гр[аф] Баранов, очевидно, действует таким образом по слабости рассудка; им совершенно овладел Коробьин⁹, который рассвирепел ужасно и с которым, вследствие сего, я перестал кланяться. <...> «Это они пробуют свои силы!» – вопиет Коробьин. – «Свои силы», бессознательно повторяет Баранов, и вслед за этим краснеет. И, несмотря на свою стыдливость, посылает команды. Я пытался усмирять его, подал даже формальную бумагу с доказательствами нелепости его действий; но и тут Коробьин подпакостил: «пускай, говорит, волнуется, а вы идите себе своей дорогой; вас, говорит, за бездействие власти под суд отдадут». С тех пор Баранов встречается со мною и краснеет; краснеет и посылает команды¹⁰. Конечно, тонкая и чувствительная натура Салтыкова-Щедрина внутренне восставала даже против таких мер, как порка, но неужто будет лучше, если Баранов прикажет стрелять? Кроме того, Михаил Евграфович, судя по всему, был не чужд собиранию слухов и сплетен, иначе как можно объяснить фразу: «Я слышал это от очевидца, которому можно дать полное вероятие». Весьма сомнительно, чтобы Дубельт, делаясь планами «с другом своим» Барановым, делал это публично, а не за закрытыми дверями губернаторского кабинета. Тогда как же это стало достоянием гласности? Загадка... Кроме того, всё в том же письме Салтыков-Щедрин в первую очередь интересуется у своего приятеля Якушкина, кстати, сына известного декабриста, о котором упоминал Пушкин¹¹ в десятой главе

«Чтение манифеста
19 февраля 1861 года».
Картина Григория
Мясоедова.
1881 г.

«Евгения Онегина» и который тогда был в Ярославле управляющим палатой государственных имуществ, как идут дела по покупке им нового имения, – Евгений Иванович помогал ему в приведении в порядок весьма запутанных дел Салтыковых, в том числе и в Заозерье. Не стоит забывать и о том, что основным доходом, кроме вице-губернаторского жалования, у Михаила Евграфовича были поступления с его Заозерских вотчин, расположенных в непосредственной близости к землям Арнаутowych, а во время «Арнаутского бунта», как мы уже знаем, окрестные крестьяне попросту отказывались выходить на работы, выжидая, чем дело закончится, чья возьмёт. Так что заинтересованность у него в исходе этих событий была не только чисто наблюдательная. Тогда же Михаил Евграфович поделился описанием событий, в которых участвовал Дубельт, со своим хорошим другом Некрасовым, и тот позже упомянет о них в своей знаменитой поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

«...А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство.
Сам Государев посланный

К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласкою попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повёртывать начнёт.
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
“Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!”
И больше ничего!»

Не упомянул Николай Алексеевич лишь об одном – не знал он, да и откуда ему было знать, что чуть позже арнаутские крестьяне в ноги кланялись Дубельту, поняв, что он с ними мог бы сделать. Мог, но не сделал. Простил.

Совсем скоро события, связанные с крестьянскими бунтами, стали мало-помалу затихать и к 1862 году как-то сами собой тихо сошли почти на нет. В тот же год Михаил Леонтьевич Дубельт был отправлен в отставку. Ходили слухи, что отставка эта связана с некрасивой и скандальной историей его развода со своей супругой, Натальей Александровной. Но вероятнее всего, причина была совсем в другом – как мы уже знаем,

Александр II наказывал своим «государевым посланным» обходиться с крестьянами как можно строже, а Михаил Леонтьевич не только ослушался этого прямого приказа, а ещё всячески гордился тем, что «не пролил ни капли крови», тем самым как бы возвысив себя над императором, который на поверку оказался не только «Освободителем», но и, отчасти, тем же самым кровавым палачом. Дубельта отправили в отставку, даже не наградив никаким орденом, хотя, как вы поняли, было за что. Другое дело граф Антон Степанович Апраксин – после того, как он чрезвычайно жестоко подавил волнения в селе Бездна, Александр II написал: «Не могу не одобрить действий гр. Апраксина; как оно ни грустно, но нечего было делать другого», – и наградил его орденом Святого Станислава I степени. Правда, злые языки утверждали, что Апраксин был крайне недоволен наградой – за свои «боевые» действия и «батальную» стрельбу по безоружным крестьянам он ожидал военного ордена, Св. Георгия, а получил Станислава – самого младшего из орденов, которым, как правило, награждали чиновников к их юбилеям...

Дубельт из отставки вновь был призван на военную службу только после смерти Александра II, в 1884 году, служил до 1897 года, скончался

в 1900 году. Упомянутый Игнатович, вероятно, успел узнать от него подробности «Арнаутовского дела», которые потом опубликовал в своих работах, а теперь знаем и мы.

* * *

Павел Трофимович Баранов всё в том же 1862 году также был отправлен в отставку с поста тверского губернатора, и тоже без награждения, а через год скорострительно скончался. Ф.М. Достоевский, после ссылки поселившийся в Твери, в конце 1850-х писал о нём в одном из своих писем: «Баранов оказался наипревосходнейшим человеком, редким из редких». Возможно, взгляд писателя-монархиста на личность Баранова несколько отличался от взгляда писателя-сатирика.

* * *

А что же сам Александр Алексеевич Арнаут, как он пережил это происшествие? А вот как. Вероятно, поняв, что он не может справиться даже со своими крестьянами, а уж помогать кому-то другому как предводитель он тем более не в силах, 8 мая того же года он подаёт прошение об увольнении с выборной должности¹². По иронии судьбы именно этим же днём датирована депеша Дубельта Александру II. На следующий год за свою службу он получил очередную награду: «Пожалование орденами. Государь Император, по достоинству Кавалерской думы, Всемиловитейше пожаловать соизволил в 22 день сентября 1862 года орден Св. Владимира 4 степени бывшему Угличскому уездному предводителю дворянства, статскому советнику Арнауту, за выслугу, по выбору дворянства»¹³. Ещё через два года в метрической книге церкви во имя Казанской иконы Божьей Матери села Иванково за № 21 появилась запись: «Сельца Ворошилова статский советник Александр Алексеев Арнаут 56 лет, умер 30 июля, погребён 4 августа».

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ПО ТЕМЕ

...22 февраля 1770 года одиннадцатилетний Кристофер Сейдер, житель города Бостон, который находился тогда в североамериканской колонии Великобритании, наслушавшись разговоров взрослых о невыносимых притеснениях англичанами своих американских подданных, вместе с другими мальчишками стал швырять камни в окна дома Эбенизера

Ричардсона, служащего таможен Бостонского порта, и, конечно же, англичанина. Ричардсон долго терпел, но, когда в его доме с прощальным звоном вылетело последнее окно, не выдержав, схватил дробовик и пальнул на улицу наугад. Под заряд попал именно Кристофер. После смерти мальчика по Бостону прокатилась волна митингов и выступлений против «произвола Британии». Дело дошло до того, что 5 марта несколько жителей попытались напасть на ненавистных солдат-англичан и отобрать у них ружья. Те, исполняя устав и защищая собственную жизнь, открыли огонь по взбунтовавшимся американцам. Было убито три человека, два скончались чуть позже. Этот инцидент у местных журналистов получил хлёсткое название «Бостонской резни», или «Бостонской бойни».

Потом было «Бостонское чаепитие», были стычки и несколько сражений между британскими солдатами и восставшими колонистами, потом была война за независимость, потом было новое государство – США. Но до сих пор молодым поколениям американцев вдалбливают в головы легенду об «историческом событии, в конце концов приведшем американцев к независимости» – о «Бостонской резне», не сообщая, впрочем, подробностей того происшествия. Конечно, зачем? «Древо свободы время от времени нужно поливать кровью патриотов», как сказал один из отцов-основателей США Томас Джефферсон, и у миллионов американцев чуть только кровь не закипает от гнева лишь при одном упоминании о той «резне». Хотя, по меткому замечанию одного из современных писателей, «Бостонская резня – всего лишь уличная драка, которая взволновала бы сегодняшних американцев не больше, чем репортаж об очередной стычке полиции с забастовщиками».

...В 1910 году уже в Великобритании, в Южном Уэльсе, в валлийском городке Тоунипанди среди шахтёров, недовольных условиями труда, прокатилась волна возмущений. Хулиганы, а это были, в основном, жёны и дети взбунтовавшихся шахтёров, воспользовались сумятицей и начали громить магазины и вообще всё, что попадалось под руку. Начальник местной полиции попросил вышестоящее начальство прислать войска с оружием для усмирения шахтёров и прекращения безобразий. Министр внутренних дел Великобритании тридцатипятилетний Уинстон Черчилль пришёл в ужас

(как он потом писал в мемуарах) при одной мысли о том, что войска будут стрелять в безоружных людей, и вместо войск послал опытных полицейских, всё вооружение которых состояло из непромокаемых плащей и обычных дубинок – стражи порядка в Великобритании всегда ходят без оружия, эта традиция жива и сейчас. В результате потасовки пострадали около 70 полицейских и около пяти сотен горожан – правда, в основном это были синяки и разбитые носы. Погиб только один шахтёр – к несчастью, он получил по голове полицейской дубинкой. Но в Палате общин Черчиллю хорошо досталось: министр был крепко обруган за «беспрецедентное кровопролитие». «Тоунипандское дело» припоминали Черчиллю до самой смерти, и даже его внук, тоже Уинстон Черчилль, выступавший в 1978 году в Палате общин, был обвинён в «фамильной вендетте Черчиллей» против шахтёров Тоунипанди.

Досих пор в Южном Уэльсе ужасом рассказывают, как правительство дало преступный приказ стрелять по безоружным шахтёрам, сколько тогда народу погибло...

В наше время существует такое понятие, как «принцип Тоунипанди», – в честь того самого шахтёрского городка. Он заключается в том, что изустная традиция через множество пересказов искажает историю и значительно преувеличивает масштабы незначительного, в общем-то, события, которое впоследствии попадает в научные труды и учебники как раз в качестве весьма масштабного.

Не является ли «Арнаутовское дело» своеобразной отечественной иллюстрацией этого незатейливого принципа?

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вначале я уже упоминал о том, что в Угличском архиве не осталось никаких документов об «Арнаутовском деле». Конечно, задумав этот очерк, я первым делом отправился к его директору Татьяне Анатольевне Третьяковой, надеясь, что она-то уж подскажет, где, что и как искать по интересующей меня теме (я всегда поражаюсь её удивительной эрудированности, она даже способна по памяти цитировать некоторые документы, и, тем более, знает, где они лежат на архивных полках). Но Татьяна Анатольевна буквально с порога охладила мой исследовательский пыл: оказывается, не я первый, кто заинтересовался этим делом, приходили люди и до меня, и не

«Крестьянские
дети».
Картина
В.Е. Маковского
1890 г.

раз, но в нашем архиве по нему нет ни одного документа. Совсем нет! В ответ на моё недоумение она высказала предположение, что документы эти были такие, что их сразу же изъяли и отправили «наверх», ибо они представляют особую государственную важность. Теперь же, немного разобравшись в событиях тех дней, поняв многое и многих, я могу с ней согласиться. Действительно, ни царской власти, ни советской эти документы были

неугодны – особенно после 1917 года и позже, когда нужно было написать красивую историю о революционных выступлениях крестьянства против деспотичного царского режима, когда надо было документально обосновать высказывание известного писателя-классика об «Арнаутовском погроме», которого, как оказалось, в действительности-то и не было.

Вот так и появился этот очерк про погром, которого не было. •

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прятков А. Салтыков-Щедрин в Ярославском крае. Второе издание, дополненное и переработанное. Ярославль, Ярославское книжное издательство, 1954.

² Ярославские Губернские Ведомости. 1841, №40.

³ Там же, 1842, №13.

⁴ Там же, 1849, №33.

⁵ Там же, 1860, №3.

⁶ Здесь явная описка: Дубельт в то время был в звании генерал-майора.

⁷ Утвердив

⁸ Игнатович И.И. Волнения помещичьих крестьян от 1854 до 1863 гг. // Минувшие годы. 1908, №7. С. 86-87.

⁹ Коробин Владимир Григорьевич – камер-юнкер, управляющий палатой государственных имуществ в Твери (с 1857 по 1862 гг.).

¹⁰ М.Е. Салтыков-Щедрин, 1965–1977. Т. 18. Кн. 1. С. 244.

¹¹ «Читал свои Нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал».

¹² «Угличский Уездный Предводитель Дворянства, Статский Советник Арнауты увольняется по прошению от службы по домашним обстоятельствам, с 8 мая 1861 г.» (Ярославские Губернские Ведомости. 1861, №19).

¹³ Там же, 1862, №5.